

ТРАНСМУТАЦИИ ДИОНИСИЙСКОГО

Актуальность данной темы обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, аналитика дионисийского, как психического, позволит уяснить глубинные основания религиозного опыта и, в перспективе, подойти к пониманию религиозного опыта в свете понимания глубинной характеристики религиозности для человеческого сознания. Во-вторых, для нас открывается возможность собственного философского видения антропологических содержаний определенных процессов культуры.

Дионисийское представляется как культурема. Но, с нашей точки зрения, его статус универсалии культуры сопоставим с нуминозным. Нуминозное, как специальное априорное понятие теории религии, в том числе юнгианской метафизики, является фундаментальной категорией религиозного опыта [2]. Дионисийское – это форма нуминозного, выражающая способ его бытия через представления о божественном безумии, взаимосвязи Эроса и Танатоса, символике смерти-возрождения, и другие.

Дионисийское как психическое не может мутировать в самой своей сущности. Мутируют образы, структуры сознания, в качестве которых структур выступают образы религиозного и эстетического опыта.

Основополагающим моментом мифологемы Диониса является момент Безумия, насылаемого богом на человека и заставляющее выполнять его волю. Можно сказать, что в таком явлении суггестии в чистом виде представлен паттерн нуминозного – переживание явления, трансцендирующего наше бытие.

Дионис, как *genius* (надличная сила природы), воспринимался эллинами как нечто непонятное и пугающее, угрожающее безумием непосвященным и манящее сладостным опьянением тех, кто стал под его покровительство. Так, «божественной сферой» Диониса стали все проявления человеческой чувственности, которые не подлежали морально-этической оценке. Их главной характеристикой была необычность, динамичность и интенсивность влияния на сознание, что обуславливало, с одной стороны, притягательность, а с другой стороны – отталкивание (отторжение). Такие переживания сознания представляются первичной формой эстетизации бытия.

Явления *genius* воспринимались как некое внутреннее событие, наподобие внутреннего голоса, но считались приходящими извне. Вполне возможно, что из феномена внутреннего голоса или внезапного беспричинного ощущения потери здравого смысла зародилась символика божественного. Однако уже сам феномен божественного безумия был

настолько существенен, уникален и неоднозначен для эллинов, что они дали ему особое название – телестическое или ритуальное [1]. Отношение к этому состоянию было двойственным: с одной стороны, оно воспринималась как кара, так как в таком состоянии человек оказывался вне рамок социума, маргинализировался, а с другой – интерпретировалось как возможность общения с божеством, что наделяло его особым статусом богоизбранности. (что было трактовано Юнгом как двойственное влияние нуминозного на человека: с одной стороны, возможность ассимиляции сознания подсознательным и - как результат - утрата человеком сознания своей индивидуальности, что представляет клинический случай, а с другой стороны – как возможность адаптации бессознательных содержаний сознанием и собирание Самости) [3].

В классический период происходит эволюция Диониса от Эвои («Безумствующий») к Дионису Дифирамбу («Дитя Двойных дверей»), в результате чего он получает статус Олимпийца и изображается прекрасным юношей, в соответствии с принципом каллокагатии (поскольку прекрасное в античном мире было сакральным. Ритуальные действия заменяются театральными. Но уже в средние века, в период развития так называемой мещанской драмы, и они утрачивают свою связь с культом Диониса.

Лишь в эпоху Ренессанса прекрасный образ античности и Диониса, как символа смерти и возрождения, вновь реанимируется. Именно в этот период происходит первая актуализация эстетической непосредственности нуминозного. Нуминозное выступает одной своей стороной – прекрасным, возвышенным, чарующим.

Но жизнеутверждающие образы Ренессанса сметаются барочным мировоззрением, в котором нуминозное проступает второй своей стороной - ужасной.

На смену драматизму барокко приходит сдержанность классицизма. В его идеальном «инобытии природы» не нашлось места дионисийскому оргиазму, так как его демоническая сущность больше не просматривается теоретиками через лучезарность аполлоновского эстетизма.

О «несовершенстве» античности заговорят лишь после «смерти бога», когда на смену божественному придет человеческое: хтоническое, страстное, природное, - и вскроет «обратную» темную сторону античности. Ницше представил свое видение античности сквозь призму аполлоно-дионисийской контрверзы. Экстраполируя ее на период постмодерна, можно увидеть мутации дионисийского от античности к современности.

Литература:

1. Доддс Э. Р. Греки и иррациональное. – СПб.: Алетейя, 2000. – 507 с.
2. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его отношении с рациональным. – СПб.: Изд-во с.-петерб. ун-та, 2008. – 272с.
3. Юнг К.Г. Очерки по теории бессознательного. – М.: Когито-Центр, 2006. – 352с.